

Т. В. Корнилова

ДИНАМИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ РЕШЕНИЙ И ВЫБОРОВ

В статье представлены результаты цикла исследований, посвященных установлению закономерностей принятия и разрешения ситуаций неопределенности, характеризующих условия выбора. Формирование динамических регулятивных систем (ДРС) в актуалгенезе выбора предложено понимать как реализацию субъектом возможностей своего интеллектуально-личностного потенциала при подготовке и совершении выбора. Показано, что средства структурного моделирования позволяют конкретизировать представления о единстве личностных и интеллектуальных предпосылок и составляющих психологической регуляции выбора.

Ключевые слова: выбор, продуктивные решения, динамические регулятивные системы, интеллектуально-личностный потенциал, саморегуляция, неопределенность.

The paper describes the results of a series of studies aimed at revealing the regularities in accepting and overcoming uncertainty that characterizes choice contexts. The formation of dynamic regulative systems (DRS) in the actual genesis of choice is considered to be realization by the subject of his intellectual and personality potential in preparing for and making a choice. We also show how structural equation modeling techniques provide tools for making the notion of the unity of personality and intellectual predictors of choice, and of the components of psychological regulation of choice, more concrete and specific.

Key words: choice, productive decisions, dynamic regulative systems, cognitive and personality potential, self-regulation, uncertainty.

Идея *единства интеллекта и аффекта*, рассматриваемая как необходимость взаимодействия процессов интеллектуальной и личностно-мотивационной регуляции в единых психологических системах, была обоснована Л.С. Выготским (1982) в исследованиях мышления, а затем развита применительно к решению проблем в смысловой теории мышления О.К. Тихомирова. В цикле проведенных нами исследований был выделен такой аспект этой идеи, как единство психологической регуляции выбора в условиях неопределенности. Психология неопределенности — относительно новый поворот в развитии проблемы активности

Корнилова Татьяна Васильевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* tvkornilova@mail.ru

человека и представления о свободном самоопределении личности в ее решениях и поступках.

Проблема психологической регуляции выбора раскрывается на путях поиска принятия и преодоления мыслящей личностью ситуации неопределенности через доопределение целей выбора, его критериев, оснований, личностной цены и т.д. В отечественных и зарубежных публикациях обнаруживается общность представлений о выборе как об изначально не заданном *акте*, предполагающем развертывание регулятивных процессов в момент осуществления выбора. Терминология «рационального» и «личностного» выборов зафиксировала преимущественную ориентацию психологических (и непсихологических) моделей на те или иные звенья регуляции, функционирующие в динамическом единстве. Изучение когнитивных составляющих *рационального* выбора (Hastie, Dawes, 2010; Weber, Johnson, 2009) шло параллельно изучению составляющих *личностного* (в том числе морального и экзистенциального) выбора. Заостряя сложившуюся оппозицию подходов в континууме «рациональное—личностное», можно сказать, что личность, делающая выбор, рассматривалась как не мыслящая, а когнитивные системы, опосредствующие выбор, — как безличностные.

Опираясь на положения о *многоуровневости* и *множественности динамических новообразований* в психологической регуляции выборов, мы выдвинули такую линию анализа взаимосвязей в единых иерархиях процессов, обеспечивающих активность и авторство личности в подготовке своих решений, как принятие и преодоление человеком неопределенности. В гипотетических *динамических регулятивных системах* (ДРС) актуализируются как диспозициональные предпосылки, так и актуально складывающиеся новообразования, фокусирующие собою динамические единицы принятия неопределенности при подготовке и реализации решений и выборов человека.

В развитии методологии деятельности опосредствования обращение к идее о преодолении субъектом неопределенности связано со следующими проблемами. Во-первых, с возможностью понимания активности субъекта как *функционально опережающей* развертывание деятельностных структур (А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, С.Д. Смирнов, Т.В. Корнилова, О.К. Тихомиров). Во-вторых, с включением в контекст анализа уровня *метаконтроля* при учете того, что современное звучание этого конструкта (Когнитивное..., 1997; Fox, Riconscente, 2008) не вполне совпадает с представлением о саморегуляции в рамках культурно-исторической психологии (Корнилова, 2009). И, в-третьих, с развитием на основе позиций культурно-деятельностной концепции так называемых теорий среднего уровня, роль которых — конструктивное прояснение возможности соответствующего понимания изучаемых психологических реалий с опорой на современные методы теоретико-эмпирического исследования.

В контексте развития идеи о единстве интеллекта и аффекта нами разрабатывается концепция, предполагающая *единство* функционирования *интеллектуально-личностного потенциала* человека и *динамическую целостность психологической регуляции* его выборов и решений, реализуемую включением в ДРС как интеллектуальных, так и личностных составляющих. Общая гипотеза об *открытости* психологических систем, в которых на верхние уровни могут выходить разные процессы, стала ведущей интерпретационной линией при анализе психологической регуляции интеллектуальных решений и морального выбора, личностно-мотивационных и интеллектуальных предпосылок продуктивных решений (Корнилова, 1997, 2003; Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009; Чумакова, 2010).

В качестве медиаторов взаимодействия интеллектуальных и личностных составляющих единого интеллектуально-личностного потенциала человека выступают процессы *принятия неопределенности*. Это позволяет выделить в многообразии личностных переменных *толерантность к неопределенности* как проявление интегративной активности в психологической регуляции выбора.

1. Психология неопределенности: конструкт толерантности к неопределенности

До недавнего времени психологическое понимание конструкта *толерантность к неопределенности* (ТН) оставалось проблематичным, поскольку в зарубежных публикациях по психодиагностике он был представлен двумя терминами: *tolerance for ambiguity* (толерантность к неясности, двусмысленности, многозначности стимулов, сложности их интерпретации) и *tolerance for uncertainty* — толерантность к неуверенности при недостаточной информированности. Вставал вопрос о возможности представления *интолерантности к неопределенности* (ИТН) в качестве самостоятельной шкалы или полюса, противоположного ТН. Надежность средств, предложенных для измерения ТН/ИТН, оказалась существенно более низкой, чем надежность других личностных опросников (Zenasni et al., 2008).

В зарубежных исследованиях мышления и выбора как принятия решений для обозначения условий неопределенности чаще использовался термин *uncertainty* (нем. *Unsicherheit*), что точнее переводится как *субъективная неопределенность* или *неуверенность* (Канеман и др., 2005). Неуверенность может выступать в качестве фактора психологической регуляции выбора, определяя характер сбора информации в ситуации неопределенности, но все источники субъективной неопределенности этим термином не охватываются.

При апробации «Нового опросника толерантности к неопределенности» (опросника ИТН) с помощью структурного моделирования нами были установлены следующие латентные переменные, с которыми свя-

заны различные проявления принятия/непринятия неопределенности (Корнилова, 2010а):

ТН — *Принятие неопределенности и риска*, или *Толерантность к неопределенности* как отражение генерализованного личностного свойства, означающего стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений.

ИТН — *Интолерантность* как непринятие неопределенности, стремление к ясности в суждениях, решениях и действиях, предположение о главенствующей роли правил и принципов, дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей.

МИТН — *Межличностная интолерантность* к неопределенности, стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими.

Разработав средство диагностики ТН/ИТН, мы смогли перейти к проверке эмпирически нагруженных гипотез о роли принятия неопределенности в установлении связей между процессуальными и результативными характеристиками выбора, интеллектуальными и личностными составляющими его регуляции.

2. Толерантность/интолерантность к неопределенности и психометрический интеллект как предикторы креативности

Понимание выбора как творческого процесса имеет следующие основания: 1) полагание ведущей роли новообразований в актах выбора; 2) представление о самоопределении личности, выдвигающей основания своего выбора (сходным образом М.К. Мамардашвили раскрывал понятие свободных самоопределяемых действий человека); 3) переход к пониманию интеллекта не как ресурса, а как условия развития новообразований в актуалгенезе выбора, опосредствованного процессами мышления и смыслообразования.

Понятие *новообразования* использовалось нами в двух контекстах. Во-первых, в контексте более традиционного для психологии мышления представления о нем как о выделяемых (диагностируемых) приобретениях субъекта в ходе интеллектуальной деятельности, в которых проявляется новизна как ее продукта, так и обеспечивающих этот новый продукт процессов. Во-вторых, в контексте представлений о динамическом функционировании интеллектуально-личностного потенциала в качестве новообразований следует трактовать сами ДРС, которые отражают временно складывающиеся смысловые иерархии регуляции выбора.

Рассмотрение принятия человеком неопределенности как условия создания креативного продукта — современный поворот темы психо-

логической регуляции креативности (Любарт и др., 2009; Корнилова, 2010б). Можно сказать, что пониманию креативности как отличающейся от интеллекта общей способности или личностной черты (индивидуального свойства) противостоит взгляд на креативность как на компонент или этап реализации творческого мышления. И именно здесь была намечена связь мыслительных стратегий не только с интуицией или эвристиками (как моментами актуалгенеза креативности), но и с процессами принятия неопределенности ситуации и ее изменения посредством собственных усилий.

Мы исходили из следующего предположения, определяющего *цель* изучения взаимосвязей показателей креативности с личностными свойствами ТН/ИТН: творческое мышление, опосредствующее создание креативного продукта, предполагает готовность субъекта к позитивному разрешению ситуаций неопределенности (их доопределению на основании новообразований). Поэтому индивидуальные различия в показателях креативности должны быть связаны с личностными свойствами, которые фокусируют (объединяют) и проявляют взаимодействие разных процессов, стоящих за принятием условий неопределенности.

В трех исследованиях использовались тесты на интеллект и креативность, а также экспертные оценки продуктивности выполнения испытуемыми методик на вербальную креативность: а) составление рассказа по одному из «невозможных» заголовков; б) придумывание заголовков к комиксам, разработанным путем операционализации идеи о многомерности интеллекта — его представленности в академическом, практическом интеллекте и креативности (Sternberg & The Rainbow..., 2006); в) диагностика креативности, проявленной в интеллектуальных стратегиях, по выраженности свойств дивергентного мышления (Чукава, 2010).

Общность экспериментального материала заключалась в максимальной неопределенности требований к процессу и продукту, а также в возможности интерпретации *выраженности новообразований* согласно общей модели интеллектуальной креативности, предполагающей в качестве теоретических предпосылок актуалгенез множественной регуляции создания нового интеллектуального продукта и устоявшиеся критерии его оценки.

В первых двух исследованиях на студенческих выборках изучалась инкрементальная предсказательная валидность показателей интеллекта и ТН/ИТН в отношении креативности. На основании иерархического регрессионного анализа данных было установлено следующее. ТН положительно предсказывает креативность, тогда как ИТН демонстрирует обратную связь с выраженностью новообразований по тем параметрам, по которым определялась креативность. Предсказательная сила интеллектуального потенциала (при применении теста IST-70 Р. Амтхауера и тестовой батареи ROADS — см.: Корнилов, Григоренко, 2010) оказалась

сопоставимой по величине с вкладом личностных свойств ТН и ИТН в продуктивные решения.

Использование двух показателей креативности (составление рассказов и придумывание заголовков к комиксам) свидетельствовало не только об их конвергентной валидности, но и о множественной процессуальной регуляции вербальной креативности (одновременной реализации ряда процессов в многоуровневой регуляции новообразований). Причем если в одном исследовании наиболее значимым оказался вклад ТН, то в другом — вклад ИТН (как негативно влияющего фактора).

В исследовательских схемах третьего исследования (Чумакова, 2010), также проведенного на студентах, понятие *продуктивного решения* фиксировало тот аспект выбора, который означал его незаданность внешними условиями и необходимость новообразований при опоре на свой интеллектуально-личностный потенциал в аспекте использования базовых знаний. Было установлено, что креативность студентов, которые конструировали для других студентов задачи на выбор, предполагающие высокую степень неопределенности использования базовых знаний, не коррелировала по высоте с уровнем их психометрического интеллекта, но выступала необходимым условием отсутствия снижения процессуально-результативных индексов продуктивных решений.

Варьирование типов ситуаций неопределенности показало, что высокий интеллект не повышает продуктивность решений, а низкий — ее снижает. Причем это было продемонстрировано посредством анализа процессуально-результативных характеристик как при выборах в закрытых ситуациях (*decision making*), так и при максимальной неопределенности в открытых задачах (составление проблем). Для обеих ситуаций личностные компоненты регуляции выборов оказывались необходимыми звеньями именно при более низком интеллектуальном ресурсе.

В зависимости от типа ситуации неопределенности (открытые конструктивные или закрытые задачи) менялась регулятивная роль личностно-мотивационных и интеллектуальных компонентов, что позволяло нам интерпретировать выход того или иного процесса на более высокий уровень иерархии в ДРС. Ведущую роль в ДРС при конструктивном разрешении ситуаций неопределенности (использовании базовых знаний) играла *личностная готовность к риску*; из мотивационных факторов значимые положительные связи с успешностью установлены для *агрессии* и отрицательные — для мотивации *достижения*. При низких показателях интеллекта менялась направленность влияния мотива *достижения*; в группе испытуемых, не справившихся с выполнением задания, она была максимально выраженной в случае успешных решений. При выборах в закрытых (житейских) ситуациях ведущую роль стала играть *рациональность* (как личностное свойство саморегуляции, согласно опроснику ЛФР). Успешные и неуспешные выборы оказались при этом противоположно связанными с такими личностными

характеристиками, как имплицитные теории «приращаемого» или «константного» интеллекта и «обогащаемой»/«константной» личности, согласно шкалам опросника Двек—Смирнова (Корнилова и др., 2008). Последнее свидетельствовало также о том, что на верхние уровни в ДРС могут выходить в разной степени осознаваемые процессы.

Итак, на основании ряда теоретико-эмпирических исследований нами с коллегами было обосновано, что составляющие процессуальной регуляции, входящие в ДРС, действуют совместно, а не автономно, зависят как от диспозициональных, так и от ситуационных факторов. Но только в актуалгенезе выборов устанавливается (по показателям соответствующей психологической переменной) выход того или иного процесса на ведущие уровни. И заранее нельзя определить, как сложится их иерархия у конкретного человека и при разрешении того или иного типа ситуаций неопределенности. Различия в ДРС определяют индивидуальные различия и на этапах продуктивных решений в учебной деятельности, что было показано в специальном исследовании предикторов академических достижений студентов (Kornilova et al., 2009).

3. Связи толерантности/интолерантности к неопределенности с уровнем самосознания личности

Развитие представлений о *саморегуляции* как интегративной активности в принятии и преодолении условий неопределенности субъектом осуществлялось нами на основании рассмотрения самосознания личности в качестве верхнего из уровней личностной регуляции. В наших исследованиях были разработаны модели, включившие представления о роли *принятия неопределенности* в отношении достигаемых личностью уровней *нравственного самосознания*, а также о функциональной роли «самооцениваемого интеллекта» (СОИ).

В исследованиях Е.В. Новотоцкой-Власовой и И.А. Чигриновой, проведенных под нашим руководством, впервые были верифицированы гипотезы о связи *принятия неопределенности* как генерализованного свойства с разными личностными ценностями и свойствами (измеренными в переменных ТН/ИТН, маккиавеллизма, готовности к риску, рациональности). При включении в анализ латентных переменных эмоционального интеллекта — ЭИ (межличностного — МЭИ и внутриличностного — ВЭИ) старая проблема «разум и эмоции» была переформулирована в отношении ведущих уровней регуляции морального выбора. Мы не только предположили возможность рассмотрения показателей ЭИ как подчиненных звеньев в единой системе личностной регуляции выборов, но и показали, что регулятивная роль ЭИ не сводится к прагматическому контексту (к «успешности» интеллекта), который сейчас подчеркивается. Необходимость ЭИ как звена в единой системе интеллектуально-личностной регуляции задана его связью с ориентировкой на интересы другого человека, присутствующей в ситуа-

циях морального выбора, т.е. с проявлением сформированности уровня *личностных ценностей*.

В автономизации роли ЭИ видится противоречие с изначально интегративной направленностью этого конструкта. Отечественная психология дает основания его реинтерпретации именно в отношении представления не только о единстве интеллекта и аффекта, но и об их связи с нравственным самосознанием личности. Выявление вкладов глубинных мотивов в становление целеобразования и смыслообразования несколько заслонило ту содержащуюся в теории деятельности А.Н. Леонтьева (1975) идею, что верхним уровнем регуляции действий и поступков выступает самосознание личности.

Возвращение отечественной психологии к проблематике сознания человека успешно противостоит зарубежным направлениям, ставящим моральную регуляцию на уровень врожденных программ, функционирующих по аналогии с грамматиками Н. Хомского (Хаузер, 2008). Однако рассмотрение моральной регуляции на вершинных уровнях (духовном, эсхатологическом), не сводимых к психологическим составляющим сознания личности (Зинченко, 2006), или в общем для психологии и этики нравственном пространстве, фокусирующемся на отношении человека к другому человеку (Братусь, 1997; Бубер, 1992), не снимает вопросов о том, каким образом складывается система нравственной регуляции. Почему не все действия превращаются в поступки? В зависимости от каких психологических факторов бытийный, рефлексивный или духовный уровни сознания личности становятся ведущими в системах регуляции выбора? Знаемыми и реально действующими могут быть не только мотивы, но и личностные ценности, и составляющие самосознания личности.

Исходя из представлений об актуалгенезе множественных и динамических организованных иерархий интеллектуальных и аффективно-смысловых процессов, опосредствующих выбор *человека* (а не мозга), нужно рассматривать принятие и преодоление неопределенности как акты достижения уровней саморегуляции, выходящих за рамки имевшихся предпосылок (человек творит себя своими решениями).

С выделением такой функциональной единицы реализации интеллектуально-личностного потенциала, как ДРС, связана принципиальная онтологическая *неопределенность* (структурная незаданность) иерархий процессов, опосредствующих становление выбора. Однако в построении модели взаимосвязей переменных, включенных в психологическую регуляцию выбора, акцент может ставиться на структурном оформлении «проторенных путей», посредством которых реализуются взаимодействия между интеллектуальными и личностными составляющими единого интеллектуально-личностного потенциала человека.

Современная методология *структурного моделирования* позволяет раскрывать взаимосвязи в системах, включающих разноуровневые психологические переменные. Формально она является средством

проверки гипотез об общих *латентных переменных*, стоящих за связями психологических переменных, измеренных эмпирически, но добавляет такие существенные для психологических гипотез характеристики, как установление *неявных* связей (не прочитываемых в самих по себе эмпирических коэффициентах корреляции) и *направленности* связей (что лежит за рамками корреляционного анализа).

Приведем установленные в двух исследованиях зависимости, проясняющие взаимодействие процессов интеллектуально-личностной регуляции применительно к уровням личностного самосознания и верифицирующие роль латентных переменных ТН/ИТН как медиаторов этих взаимодействий.

3.1. Принятие неопределенности как опосредствующий фактор влияния уровней нравственного самосознания на ЭИ. В целом характер взаимосвязей друг с другом психодиагностических показателей (и возраста) позволил объединить их в предполагавшиеся четыре группы, соответствующие в структурной модели четырем «входным» латентным переменным: «Принятие неопределенности», «Ориентация на личностные ценности и Другого», «Ориентация на собственный комфорт» и «Опыт рациональности» (переменные возраста рациональности как ориентировки на сбор информации в шкале опросника ЛФР — см.: Корнилова, 2003). Латентные переменные МЭИ и ВЭИ выступили при этом как зависимые, или «выходные», что позволило принять выдвинутые конкретные гипотезы, а главное — обосновать то, что не ЭИ влияет на нравственное развитие личности, а, наоборот, достигаемые уровни нравственного самосознания, проявляющиеся в децентрации моральной позиции (согласно опроснику, построенному на учете модели Л. Колберга—К. Гиллиган) и готовности ориентироваться на общечеловеческие ценности как личностные, являются предикторами ЭИ.

«Принятие неопределенности» в регулятивной функции, согласно модели, выступило примерно равным образом по отношению к МЭИ и ВЭИ. *Рациональность* как личностное свойство саморегуляции повышала показатели заботы о себе, но не способствовала переходу на личностные уровни регуляции выбора. Этот полученный нами результат должен еще быть осмыслен в контексте изменения отношения к рациональной составляющей морального выбора. Пока только отметим, что при решении этических проблем люди не склонны расширять свою информированность и полагаться на получаемые извне ориентиры.

Более высокие уровни (стадии) морального развития диагностировались у тех, кто способен отвечать вызовам неопределенности; эти лица проявляют также готовность к самопожертвованию и самоуважение (шкалы опросника «Справедливость—Забота»). Напротив, люди с высокими индексами по шкале самоозабоченность неопределенность не приемлют; они же демонстрируют стадии доконвенциональной и конвенциональной морали.

Регулятивная роль ТН означает, что уровни нравственного самосознания выступают лишь как предпосылки регуляции личностного выбора. Но необходим еще его актуалгенез, предполагающий динамическое связывание разноуровневых личностных образований в иерархию процессов, репрезентирующих самостоятельность и психотехнический аспект активности личности¹. Свобода в отношении усвоенных норм морали предполагает акты принятия неопределенности, а не только их рациональную и эмоциональную оценку, что означает становление самоопределяемых действий и свободных выборов человека.

3.2. Принятие неопределенности как связующее поле взаимодействия интеллектуальных и личностных предпосылок регуляции выбора. Другим психологическим образованием, функционирующим во взаимодействиях процессов самосознания и процессов личностной регуляции на неосознаваемых уровнях, выступила «Интеллектуальная Я-концепция». При обосновании этой латентной переменной мы опирались на понимание конструкта «самооцениваемый интеллект» (СОИ), широко представленного в зарубежных исследованиях (Chamorro-Premuzic, Artechе, 2008; Chamorro-Premuzic, Furnham, 2006; и др.) и использованного нами ранее в построении представлений о роли ДРС в академической успешности студентов (Kornilova et al., 2009). Соотнесение СОИ с латентными переменными ТН и ИТН обосновывалось нами исходя из предположения о единстве когнитивных и личностных оснований потенциала человека при рассмотрении более широкого аспекта *психологической разумности* как понятия, отражающего степень доступности своего внутреннего опыта (своих мыслей, оценок и эмоций). Оценка человеком доступности ему (с точки зрения имеющегося потенциала) целей той или иной трудности была включена А. Бандурой (2000) в понятие самоэффективности. При интеллектуально-личностном опосредствовании выбора ситуация неопределенности заключается и в такой характеристике целеобразования, как приемлемость тех или иных возможных целей для себя лично. Принятие личностной цены выбора означает и самоопределение в вопросе «Кто я?», или «Каким я себя вижу (хотел бы видеть)?».

Вынося суждение о собственных психологических качествах, давая им оценку, человек всегда находится в ситуации неопределенности, поскольку однозначных критериев для оценки не существует. При любом выборе в ситуации неопределенности человеку также приходится ставить перед собой вопросы, которые можно объединить в общей формулировке «Какой я?», что включает и выделение того или иного аспекта самооценивания, и вынесение суждения о высоте самооценки.

¹ Для доопределения своих ценностей и целей личность должна иметь достаточный «люфт», чтобы иметь возможность примеривать к себе моральные нормы и опосредствовать моральный выбор в конкретных ситуациях. Здесь не может быть детерминации внешними факторами или внутренними, но жестко заданными эталонами.

От ответа на эти вопросы зависит актуализация тех или иных психологических особенностей в стратегиях подготовки выбора.

В исследовании, выполненном под нашим руководством М.А. Новиковой, было показано, что прямая СОИ является частью интегрального психологического образования («Интеллектуальной Я-концепции»), куда входят также косвенная самооценка интеллекта (идентифицируемая в процедуре групповой оценки — см.: Смирнов и др., 2007), самооценка обучения (по шкале опросника Двек—Смирнова — см.: Корнилова и др., 2008) и самоэффективность (опросник Шварцера и др., 1996). Таким образом, «Интеллектуальная Я-концепция» выступила как совокупность представлений субъекта о своем интеллектуальном потенциале и оценки эффективности его применения в жизни. В качестве латентной переменной «Интеллектуальная Я-концепция», согласно верифицированной структурной модели, положительно связана с «Принятием неопределенности» и с «Интеллектом» (в психометрических показателях и оценках других людей).

Рефлексивность как склонность субъекта к сознательному самоанализу и *рациональность*, проявляющаяся в направленности стратегий решений и действий на сбор информации, могут рассматриваться как аспекты когнитивной составляющей *самопонимания*. Модель продемонстрировала, что рациональность и рефлексивность связаны с латентной переменной ИТН как неприемлемостью неясного и нового. Но более важным результатом оказался тот, что ИТН реципрокно связана с «Интеллектуальной Я-концепцией» (и положительно — с «Принятием неопределенности и риска»). Это означает, что высокая ИТН препятствует адекватному построению СОИ, и это ограничивает возможности когнитивной составляющей самопонимания в ситуациях высокой неопределенности. С достаточной долей уверенности можно сказать, что СОИ включена в те виды деятельности и актуализируется в первую очередь в тех ситуациях выбора, где не предполагается следование выверенным ориентирам. «Интеллектуальная Я-концепция» выступает тем самым в качестве ресурса, необходимого субъекту для вычерпывания из глубин личностного Я недостающих ориентиров в ситуации выбора.

Таким образом, СОИ является в структурной модели опосредствующим звеном между интеллектуальными и личностными компонентами процессов саморегуляции, а «Принятие неопределенности» — проводником взаимодействия СОИ с другими личностными уровнями и свойствами. На основе разработки структурной модели обосновано, что СОИ должна рассматриваться на двух уровнях — как *измеренная* переменная самооценки, отражающая репрезентации своего ума, или интеллекта, и как *латентная* переменная, отражающая область интеграции разных источников становления самооценки (она может быть их «местом встречи», или полем внутреннего диалога при связывании СОИ с разными смысловыми образованиями).

Заключение

Представленные исследования взаимосвязи ТН/ИТН, личностно-мотивационных свойств, самооценок и внешних оценок интеллекта выполнялись в единой системе гипотез о ведущей роли в психологической регуляции решений и выборов *принятия неопределенности* как интеграционной переменной, свидетельствующей о той активности личности, которая опосредствует ее «рациональные» (обдуманнные) выборы на основе иерархизации в ДРС связей интеллектуальных и личностных процессов.

Завершающие ряд исследований структурные модели представили те переменные многоуровневой регуляции выбора в ситуациях неопределенности, которые исследовались как латентные свойства и регулятивные переменные. Но эти модели, выделенные в конкретных исследованиях, не распространяются на все возможные составляющие ДРС, которые принципиально открыты и динамически складываются в ходе подготовки и реализации выбора.

При использовании современных средств структурного моделирования в психологии стала возможной конкретизация представлений о единстве интеллекта и аффекта, соединившая возможности психодиагностики, корреляционного и квазиэкспериментального подходов. В наших исследованиях это позволило перейти от общей идеи множественной и многоуровневой регуляции выбора к установлению роли ТН как медиатора в становлении функциональных единиц интеллектуально-личностного потенциала, актуализируемого человеком при выборе в условиях неопределенности.

Дальнейшее изучение психологической регуляции выбора имеет большое значение как для развития общих представлений об интеллектуально-личностном потенциале человека, так и для выдвижения и проверки гипотез о конкретных видах взаимодействий, т.е. для перехода от теоретических предположений к моделям, верифицируемым в исследованиях. Таким образом, пути «от познания к личности» и «от личности к познанию» перестают быть конкурирующими. Они выражают идею единства интеллекта и аффекта в новых схемах построения исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бандура А.* Теория социального научения. СПб., 2000.
Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // *Вопр. психологии.* 1997. № 5. С. 3—19.
Бубер М. Я и Ты // *Квинтэссенция: филос. альманах* / Под ред. В.И. Мудрагея. М., 1992. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt>
Выготский Л.С. Мышление и речь // *Собр. соч.: В 6 т. Т. 2.* М., 1982. С. 6—362.
Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // *Методол. и истор. психологии.* 2006. Т. 1. № 1. С. 207—231.
Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Харьков, 2005.

- Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы / Отв. ред. Т. Галкина, Э. Лоаэр. М., 1997.
- Корнилов С.А., Григоренко Е.Л.* Методический комплекс диагностики академических, творческих и практических способностей // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 2. С. 90—103.
- Корнилова Т.В.* О функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 5. С. 73—84.
- Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М., 2003.
- Корнилова Т.В.* Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского // Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Т. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 30—40.
- Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности к неопределенности // Психол. журн. 2010а. Т. 31. № 1. С. 74—86.
- Корнилова Т.В.* Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности // Вопр. психологии. 2010б. № 5. С. 3-13.
- Корнилова Т.В., Новотоцкая-Власова Е.В.* Соотношение уровней нравственного самосознания личности, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности // Вопр. психологии. 2009. № 6. С. 61—70.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.А. и др.* Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психол. журн. 2008. Т. 29. № 3. С. 106—120.
- Корнилова Т.В., Тихомиров О.К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М., 1990.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Любарт Т., Муширу К., Торджман С., Зенасни Ф.* Психология креативности. М., 2009.
- Смирнов С.Д., Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Малахова С.И.* О связи интеллектуальных и личностных характеристик студентов с успешностью их обучения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 3. С. 82—87.
- Хаузер М.* Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М., 2008.
- Чумакова М.А.* Психологические аспекты решения задач на конструирование // Вопр. психологии. 2010. № 4. С. 83—93.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.* Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностр. психология. 1996. № 7. С. 71—77.
- Chamorro-Premuzic T., Arteche A.* Intellectual competence and academic performance: Preliminary validation of a model // Intelligence. 2008. Vol. 36. P. 564—573.
- Chamorro-Premuzic T., Furnham A.* Personality and self-assessed intelligence: Can gender and personality distort self-assessed intelligence // Educat. Res. and Rev. 2006. Vol. 1. N 7. P. 227—233.
- Fox E., Riconscente M.* Metacognition and self-regulation in James, Piaget, and Vygotsky // Educat. Psychol. Rev. 2008. Vol. 20. P. 373—389.
- Hastie R., Dawes R.M.* Rational choice in an uncertain world: The psychology of judgment and decision-making. 2nd ed. Los Angeles, L., N.Y. et al., 2010.
- Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A.* Subjective evaluations of intelligence and academic self-concept predict academic achievement: Evidence from a selective student population // Learning and Individual Differences. 2009. Vol. 19. N 4. P. 596—608.
- Sternberg R.J. & The Rainbow Project Collaborators.* The Rainbow Project: Enhancing the SAT through assessments of analytical, practical and creative skills // Intelligence. 2006. Vol. 34. N 4. P. 321—350.
- Weber E.U., Johnson E.J.* Mindful judgment and decision-making // Ann. Rev. of Psychol. 2009. Vol. 60. P. 53—86.
- Zenasni F., Besancon M., Lubart T.* Creativity and tolerance of ambiguity: An empirical study // J. of Creative Behav. 2008. Vol. 42. N 1. P. 61—73.